

с тем, автор „Слова о полку Игореве“ был человеком своего, двенадцатого, века. Идея единодержавия княжеской власти, которая впоследствии, в XV и XVI вв., будет основной движущей идеей складывающегося Русского централизованного государства, ему еще чужда. Автор „Слова“ не отрицает феодальных отношений, как они будут отрицаться в XV и XVI вв. Наоборот, он настаивает на безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему, золотому киевскому столу и видит в этом одно из противоядий против феодальных усобиц. Однако автор „Слова“ нигде ни одним словом не обмолвился о необходимости соблюдать другие феодальные обязательства — сюзерена по отношению к вассалу, — и это знаменательно: только подчиняющие линии феодальных отношений могли способствовать сплочиванию русских княжеств. На протяжении всего „Слова“ говорится только о необходимости младшим князьям подчиняться старшим (Святославу киевскому), но не говорится об обязанностях старшего по отношению к младшему. Отсюда ясно, что автор „Слова“ заинтересован в усилении власти старшего князя — киевского.

В связи с идеей сильной княжеской власти, пронизывающей „Слово“, весьма важно проследить отношение автора „Слова“ к русским князьям.

Отношение автора „Слова о полку Игореве“ к русским князьям двойственное. Он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами и скорбя о их неудачах. Однако вместе с тем, автор „Слова“ с осуждением говорит о их эгоистической узкой местной политике и о их раздорах. Это двойственное, сложное отношение автора резко проявляется и к Игорю Святославичу Новгород-северскому, и к родоначальнику ольговичей Олегу Святославичу, и к родоначальнику полоцких всеславичей Всеславу Полоцкому. Однако когда автор „Слова“ обращается к тем из русских князей, от которых он ждет помощи, реальных действий к скреплению Русской земли, к ее обороне, — его отношение к ним резко меняется. Тогда он рисует князей только положительными чертами. Портреты этих князей отражают в большей мере надежды автора „Слова“, чем его реальные представления о них. Он гиперболизирует военные подвиги русских князей, их могущество, их славу. В этой гиперболизации автор „Слова“ выражает свои мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор „Слова“ скорбит о том, что его нет на юге. Ярослав Осмомысл подпер горы венгерские своими железными полками, загородил дорогу венгерскому королю, отворял Киеву ворота, стрелял в салтанов за землями. Автор „Слова“ наделяет слабого киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он „грозный“ и „великий“. На самом деле Святослав „грозным“ не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами.